

В. А. Котельников

А. К. ТОЛСТОЙ В РАБОТЕ НАД ПОЭТИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ

В ходе подготовки в Институте русской литературы Полного собрания сочинений и писем А. К. Толстого впервые были выявлены и систематизированы все архивные материалы, показывающие работу писателя над малыми поэтическими произведениями. В наибольшем объеме (хотя и с некоторыми утратами) сохранились автографы и авторизованные списки именно этих произведений – в отличие от подобных источников для поэм, драматургических и прозаических текстов. Самая значительная (количественно и качественно) часть названных материалов находится в фондах Рукописного отдела Пушкинского Дома; некоторые материалы хранятся в РГАЛИ, РГБ, РНБ, ГЛМ, ГАРФ, ГИМ.

Хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома материалы позволяют воссоздать в подробностях творческий процесс Толстого в отношении ко многим поэтическим произведениям.

Основная часть этих материалов сосредоточена в архиве А. К. Толстого (РО ИРЛИ, ф. 301). Он включает сохранившуюся часть личного архива писателя, находившуюся у племянницы С. А. Толстой Софьи Петровны Хитрово и переданную ею в 1903–1904 гг. (при посредничестве С. М. Лукьянова) в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук. Подробное (но неполное и с неточностями) описание архива с приведением некоторых вариантов стихотворений впервые дал В. И. Срезневский.¹ Позже еще одну (кроме вышеупомянутой) уцелевшую часть архива, принадлежавшего семейству Хитрово, Л. Б. Модзалевский в 1922 г. обнаружил в бывшем имении Толстого Пустынька,

¹ См.: *Срезневский В. И.* Автографы графа А. К. Толстого (собрание Академии наук) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1905. Т. 10, кн. 4. С. 259–280.

близ станции Саблино Петроградской губернии. Все найденные материалы он тогда же передал в Рукописный отдел Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Им были сделаны копии нескольких десятков автографов произведений, писем Толстого и писем к нему, отдельных страниц записной книжки, собраны из разных источников документальные (в том числе изобразительные) материалы.

В составе фонда находятся следующие творческие материалы, относящиеся к поэтическому наследию Толстого:

1. Тетрадь [1] в твердом картонном переплете, л. 1–62 об., большая часть листов не заполнена. Содержит разрозненные карандашные наброски и варианты стихотворных и прозаических текстов (РО ИРЛИ, ф. 301, № 4).

2. Тетрадь [2] в бумажной обложке красного цвета, л. 1–87 об., заполнены л. 2–59 об. Содержит белые и черновые автографы стихотворений (РО ИРЛИ, ф. 301, № 3).

3. Собрание автографов, набросков стихотворений А. К. Толстого на отдельных листах, 31 л. (РО ИРЛИ, ф. 301, № 5).

4. а) Записная книжка [1], в твердом картонном переплете с тиснением NOTES, л. 1–66; л. 2 об., 8, 13, 25, 42–43, 44, 53 об.–65 чистые. Содержит наброски, варианты стихотворений, записи на русском и немецком языках.

б) Записная книжка [2], в твердом картонном переплете с тиснением NOTES, л. 1–65; л. 12, 23, 36, 38 об.–40, 43 об.–64 чистые. Содержит наброски, варианты стихотворений, записи на русском и немецком языках (обе записные книжки в одной единице хранения: РО ИРЛИ, ф. 301, № 6).

Кроме того, отдельные автографы произведений, авторизованные списки и копии находятся во многих других фондах Рукописного отдела.

В публикуемых нами рукописных материалах части текста, подвергшиеся авторским изменениям, заключаются в квадратные скобки. Редакторские пометы даются курсивом: при этом приняты следующие сокращения: *авт.* – автограф, *бел.* – белой, *вст.* – вставлено, *допис.* – дописано, *зач.* – зачеркнуто, *надп.* – надписано, *нрзб.* – неразобранное, *подп.* – подписано, *прип.* – приписано, *продолж.* – продолжено, *сл.* – слово, *ст.* – стих, *черн.* – черновой, ПССтих-76 – *Толстой А. К. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. СПб., 1876.*

В необходимых случаях слева от вариантов указываются курсивом номера стихов основного текста.

Судя по письмам Толстого и многим косвенным данным, относящимся к лирическим стихотворениям, к части баллад и былин,² к некоторым переводам наброски, черновые фрагменты, редакции, автографы разных стадий работы, правка сохранились сравнительно полно. Это позволяет утверждать, что творческий процесс представлен в них без существенных лакун, и мы можем уверенно судить о том, как первоначально воплощались замыслы произведений, какие стихи сразу получали окончательный или близкий к тому вид, какие претерпевали изменения, что вызывало затруднения у поэта.

Один из примеров – работа над стихотворением «Б. М. Маркевичу». Оно создавалось осенью 1856 г., когда Толстой, после путешествия с С. А. Миллер по Крыму, переживал творческий подъем, писал легко дававшийся ему цикл «Крымские очерки» и вместе с тем размышлял о природе искусства и о своем даровании, что в ту пору отразилось в стихотворениях «Тщетно, художник, ты мнишь...», «Когда кругом безмолвен лес дремучий...», «Б. М. Маркевичу». Приводим основной текст последнего, подготовленный Толстым для ПССтих-76 (Т. 1. С. 398).

Ты прав: мой своенравный гений
 Слетал лишь изредка ко мне;
 Таясь в душевной глубине,
 Дремала буря песнопений.
 5 Меня ласкали сон и лень,
 Но, цепь житейскую почуя,
 Воспрянул я — и негодуя,
 Стихи текут. Так в бурный день,
 Прорезав тучи, луч заката

² Следует заметить, что такое жанровое определение ряда произведений Толстого по установившейся еще в его прижизненных изданиях (в том числе в ПССтих-76) и закрепившейся в научных изданиях И. Г. Ямпольского и других литературоведов традиции повторяет авторское их наименование и является условным: разумеется, это не былины в точном значении понятия, они лишь соотносятся с каноническим фольклорным жанром своими персонажами, сюжетами, некоторыми мотивами и стилистическими приемами. Впрочем, возможен и иной теоретико-литературный взгляд: поскольку на основе фольклорной сказки возникла и прочно утвердилась литературная сказка, то не исключено и существование литературной былины. Вопрос о жанровой классификации произведений поэта требует специального рассмотрения; недавно он был поднят А. В. Федоровым в статье «Научное собрание сочинений А. К. Толстого как историко-литературная проблема» (Толстовские чтения: Научно-практич. конф., посвящ. творчеству А. К. Толстого. Почеп, 2009. С. 10–13).

10 Сугубит блеск своих огней,
И так река, скалами сжата,
Бежит сердитей и звучней!

В Тетр. [2] Толстой первоначально намечает картинным сравнением образ своего стиха:

Так в черных тучах луч заката
Бросает более огней

И тут же у него возникает мысль представить свою поэзию орудием морального обличения:

И рифмой грозною бичуя
Порок бессовестный клеймит.

Затем, еще не вполне отказавшись от этой мысли (она осталась в одном стихе), он удваивает эффект первоначального образа вторящим ему уподоблением и начинает набрасывать главную тему внутренней силы свободного стиха, сопротивляющегося внешним стеснениям:

Так в тучах ярче луч заката
Свистящей рифмою бичуя
Звучнее так горами сжатый
Гремит бунтующий поток
Глаголом вольным изреку
Напрасно прозою холодной
[зач. Стесняет жизнь меня кругом]
Мой стих и свободней
Ее преграды разорвет
хочу я
Так
Прорвавши тучи, луч заката
Сугубит блеск своих огней

Обычный прием работы Толстого – переписывание уже найденных стихов, с изменениями или без, чтобы продолжать текст дальше.

Так [зач. из под тучи *надп.* в черных тучах] луч заката
Сугубит блеск своих огней,
И так поток, горами сжатый,
[зач. Гремит и пенится звучней]
Гремит сердитей и звучней!

Но, не удовлетворенный стихами, даже с внесенной в них правкой, он перечеркивает все эти строки. И сразу приходят к нему те, которые войдут в основной текст (ст. 9–12), однако пока вместо окончательного «река» здесь еще стоит «поток».

Быстро находит Толстой средство выразить свою излюбленную мысль о жизненных оковах, мешающих его творчеству: не долго думая, он прибегает к достаточно банальной метафоре «житейские цепи», с которой и связывает лирический сюжет:

На цепи жизни негодуя,
[зач. Так] Я буду петь. Так в бурный день
Прорезав тучи, луч заката
Цепей житейских звон почуя
[зач. Забуду я] Забыл обычную я лень
[зач. И мой раздастся, негодуя Теперь] И раздастся,
негодуя,
Мой [зач. снова Свободный глас. надп. голос вновь]
Так в бурный день

Попутно еще один мотив увлек Толстого – поэт и струны его лиры, он начал было набрасывать его:

мучим
И по струнам ее могучим
Уже перстами пробегал

И по струнам уже могучим
[зач. Ударил я.] благословясь, ударил я
Почуяв песни
Заветной думой долго мучим,
И чуя песни благодать,
Я строя гусли, по могучим [надп. Я по струнам уже]
Струнам уж начал пробегать [надп. Перстами]

Но, видимо, решив – вполне правильно относительно изначально задуманной лаконичной автохарактеристики поэта, что этим перегрузит уже в общем выстроившийся текст, отказывается от мотива; он будет использован через три года в более пространной поэтической автохарактеристике «И. С. Аксакову».

Ему оставалось теперь сказать о важном событии лирического сюжета – пробуждении вдохновения. Поиск не сразу пошел в нужном направлении, но необходимые слова нашлись довольно скоро, и при-

водимая черновая запись завершается двумя стихами, которые стали началом основного текста:

Замолкну ль я и
Я схороню ль в своей груди?
вперед!
Ко мне сходило вдохновенье
[зач. Я и 2 слова нрзб., надп. Я пробуждался]
Вдохновенье
Сходило медленно ко мне
И [зач. зрела сила песнопенья надп. тихо долго] И сила
В душевной зрела глубине
И [зач. Но] наставал уж миг великий
мой глагол
Ты прав мой своенравный гений
Слетал лишь изредка ко мне

Иногда Толстой испытывал немалые затруднения в поиске образов и долго колебался в выборе деталей, что при разработке сложной поэтической темы вполне естественно. Но может удивить, что такие трудности возникли по ходу создания не потребовавших больших усилий «Крымских очерков», когда он в стихотворении «Ты помнишь ли вечер, как море шумело...» стал изображать фигуру своей Сони на фоне любимой им южной природы. Ему оказалось непросто подобрать цветы, которые бы подошли к этой зарисовке.

В одном из автографов (РО ИРЛИ, ф. 301, № 5) возник вариант «Цветы полевые рвала»; его нужно счесть случайным, поскольку Толстой, обычно точный в подробностях пейзажа, не подумал, что в местах их прогулки по горам полевых цветов не могло быть. В белом автографе (РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 1, № 40) он заменяет приведенный другим стихом: «Ты алый шиповник рвала», также пренебрегая реальностью, ибо вряд ли спутница стала бы рвать своей нежной рукой колючие и жесткие ветви шиповника. В Тетр. [2] появляются прежние и новые варианты с правкой и от них намечается переход к следующему эпизоду – украшению цветами лошадиной гривы:

[зач. Цветы полевые рвала]
[зач. Шиповник и розы надп. Ты алый шиповник
рвала]
[зач. Ты ими надп. Буланой]
[зач. такой надп. ты им]

В беловом автографе поздней редакции (РО ИРЛИ, ф. 187, № 28) стихи получают такой вид:

Цветы полевые рвала,
Ты ими лошадки косматую гриву
С любовью такой убрала...

И в окончательном тексте:

Ты так на седле нагибалась красиво,
Ты алый шиповник рвала;
Буланой лошадки косматую гриву
С любовью ты им убрала.

С чем могли быть связаны колебания Толстого при поисках деталей, не столько натуральных, сколько придумываемых, в этой несложной поэтической картинке? Скорее всего, они бессознательно связались с двойственностью образа Софьи Андреевны в его восприятии: она и привлекала его, и охлаждала его чувственные и творческие порывы. Толстой, несомненно, любил ее, особенно в пору их крымского путешествия, и любовался ею – как любящий человек и как художник. Но нередко сталкивался с ее нежеланием разделять его чувства и восторги, с настроением, в котором насмешливость соединялась с наигранной грустью, симпатия к нему сменялась равнодушием.³ В очень смягченной форме такая двойственность отразилась и в выбираемых портретных нюансах в данном стихотворении (Тетр. [2]):

[зач. Ты лишь улыбалась надп. Беспечно смеялась]

Стоит напомнить, что двойственное впечатление от личности Софьи Андреевны возникло у Толстого уже при первой их встрече, запечатленной в знаменитом «Средь шумного бала...». На том маскараде в ее облике двоилось выражение глаз. Судя по авторизованному списку стихотворения, первоначально поэт заметил, что «глазки лукаво блестели», но затем здесь же исправил на известное «очи пе-

³ Ср. мнение о ней Е. В. Матвеевой: *Матвеева Е. (рожд<енная> кн<яжна> Львова)*. Несколько воспоминаний о графе А. К. Толстом и его жене // Исторический вестник. 1916. № 1. С. 165–173.

чально глядели» (Альбом В. М. Жемчужникова – НИОР РГБ, ф. 218, карт. 48, № 5). В том же источнике эта черта облика повторена в правленном стихе «Я вижу [*зач. лукавые надп. печальные*] очи» и поддержана стихом «А смех твой, [*зач. веселый надп. и грустный*] и звонкий». Кроме того, Толстой прямо говорил об изменчивости своего отношения к С. А. Миллер в стихотворениях «С ружьем за плечами, один, при луне...», «Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...», «Минула страсть, и пыл ее тревожный...».

Обращение к ней в конце стихотворения «Ты знаешь, я люблю там, за лазурным сводом...» (до мая 1858) также вызвало большие затруднения и потребовало от Толстого немалых усилий в поиске нужных слов и оборотов.

Первые две строфы (вторая из них в окончательный текст не вошла) Толстой писал достаточно уверенно уже в ранней редакции и затем в обеих последующих, внося небольшую уточняющую, стилистически мотивированную правку (черн. авт.: РО ИРЛИ, Тетр. [2]; бел. автографы: РО ИРЛИ, ф. 301, № 5). Заключительная строфа, обращенная к Софье Андреевне, в ранней редакции (Тетр. [2]) не складывалась. Единственно, в чем не сомневался Толстой, – в ее «печали» и в своей «боли». Остальные слова оказывались равно годными – или равно негодными.

Зачем же [*зач. сердце так надп. и зач. грудь теперь*] сжимается
невольно
[*зач. Когда печальна ты надп. и зач. При виде глаз твоих подп.*
Когда твой встречу взор?] И так тебя мне жаль?
И глядя на твою [*зач. безмолвную надп. невечную*] печаль,
Мне делается так невыразимо больно?

Внизу листа полустершиеся карандашные строки:

Но глядя на тебя, сжимается нев
Меня терзает [*надп. тревожит*] так и тягостно и больно?
[*зач. невыразимо надп. и тягостно и*]
И мимолетная [*зач. души надп. очей*] твоей печаль [*надп. и*
подчеркнуто NB мгновенную]
Ложится на меня так тяжело и больно

Далее в той же Тетр. [2] еще одна попытка, отменяющая показавшееся прежде самым удачным (подчеркнуто и отмечено NB) и за-

крепляющая другое, найденное в предыдущем наброске определение ее «печали»:

[зач. И гл]

И [зач. часть сл. мимолетн[ую] надп. ая] души твоей печаль

[зач. Моя душа всегда так отражает надп. В моей душе [вст. сверху всегда] так отдается] больно?

Но во второй редакции (РО ИРЛИ, ф. 301, № 5) все снова меняется:

И глядя на твою безмолвную печаль,
Мне делается так невыразимо больно?

В окончательном тексте Толстой, как будто махнув рукой на все пробы, составляет заключительную строфу из найденных в разное время, частично исправленных, частично отмененных вариантов.

Зачем же сердце так сжимается невольно,
Когда твой встречу взор, и так тебя мне жаль,
И каждая твоя мгновенная печаль
В душе моей звучит так долго и так больно?

Возникает впечатление, что эта концовка продиктована все же не столько художественным заданием или эмоциональным импульсом, сколько моральным побуждением. Еще более длительными и напряженными были поиски выражения простой мысли о переменчивости отношения к Софье Андреевне в черновиках и набросках к восьмистишному стихотворению «Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...» – они занимают двенадцать страниц в Зап. кн. [3] (РНБ, ф. 779, Архив А. К. Толстого, № 4).

Совершенно иначе протекает работа над стихотворением «Когда природа вся трепещет и сияет...» (до мая 1858). У этой работы есть отчетливая и вполне очевидная цель, и поэт движется к ней путем последовательного создания все более точных выражений своей мысли, нигде не уклоняясь от нее. Развертывается чистый, прямой лирический сюжет, в котором каждый шаг готовит следующий, каждая подробность обстановки занимает свое место в изобразительном ряду. Направляет и дисциплинирует работу авторитетнейший для Толстого претекст – пушкинская «Осень» (1833).

Вот основной текст стихотворения, подготовленный Толстым для ПССтих-76 (Т. 1. С. 310–311).

- Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда ее цвета ярки и горячи,
Душа бездейственно в пространстве утопает
И в неге врозь ее расходятся лучи.
5 Но в скромный, тихий день, осеннюю погодой,
Когда и воздух сер, и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренною природой
И немощен ее на жизнь мою напор;
10 Мой трезвый ум открыт для сильных вдохновений,
Сосредоточен, я живу в себе самом,
И сжатая мечта зовет толпы видений,
Как зажигательным рождая их стеклом.
Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
Иду меж озимей, чернеющей дорогой,
15 Смотрю на кучу скирд, на сломанный забор,
На пруд и мельницу, на дикий косогор,
На берег ручейка болотисто-отлогий
И в ближний лес вхожу. Там покрасневший клен,
Еще зеленый дуб и желтые березы
20 Печально на меня свои стряхают слезы;
Но дале я иду, в мечтанья погружен,
И виснут надо мной полунагие сучья,
А мысли между тем слагаются в созвучья,
Свободные слова теснятся в мерный строй,
25 И на душе легко, и сладостно, и странно,
И тихо все кругом, и под моей ногой
Так мягко мокрый лист шумит благоуханный...

Ход мысли и поэтической обработки ее отчетливо прослеживается уже в черновом автографе первой редакции с правкой карандашом (РО ИРЛИ, ф. 301, № 5).

Когда природы лик торжественно [*подч. и надп.* трепещет и] сияет,
Как золото [*надп.* ее] цвета ярки и горячи,
Тогда мой празден ум. [*зач.* Он, нежась, *надп.* в пространстве] утопает
[*зач.* В пространстве – врозь *надп.* Он нежась, и] его расходятся лучи.
Но в скромный, тихий день, осеннюю погодой,
Когда и воздух сер и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренною природой
И [*зач.* на душу *надп.* немощен. не пагубен [*надп.* вреден мне] напор.
[*зач.* чернилами Я трезов и готов *надп.* Мой трезвый ум открыт *после* ум *впис.*
карандашом тогда *далее* *зач.* для мощных *надп.* для] вдохновений,

[*по части сл.* Сосредоточен[ый] *напис.* Ъ, *допис.* я живу в себе самом.]
 И сжатая мечта [*зач.* выводит рой *надп.* родит толпы] видений,
 Как зажигательным их трогая стеклом.
 [*зач.* Винт] Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
 Иду [*зач.* по озимям *надп.* меж озимей] чернеющей дорогой,
 [*зач.* Рассеянно гляжу на дикий косогор, *надп.* Миную вокруг гумна поставленный забор,]
 [*зач.* На мельниц дальний ряд, на сломанный забор,
надп. И пруд, и мельницу, и дикий косогор.]
 [*зач.* На *надп.* И] берег [*зач.* озера *надп.* ручейка] болотисто-отлогий,
 Вхожу в знакомый лес; там покрасневший клен,
 Еще зеленый дуб и желтые березы
 Печально на меня свои стряхают слезы;
 [*зач.* Я *прип.* Но] [*зач.* часть слова] дале[е] [*впис.* я] иду [*зач.* и], в [*зач.* думы
надп. мечтанья] погружен,
 Не [*по части слова* замеча[ю] *напис.* я] сам как задеваю сучья,
 А в [*зач.* голове *надп.* и *зач.* думах] [*по части сл.* меж[ь] *нап.* ду] тем рождаются
 созвучья,
 Свободные слова ложатся в мерный строй,
 [*впис.* между ст. И на душе легко и сладостно и странно.]
 И все кругом молчит, и под моей стопой
 Лишь мягко мокрый лист шумит благоуханный.

Над текстом слева у верхнего края листа напис. чернилами
 И в неге врозь его расходятся лучи *справа* Он в неге и его расх лучи
надп. лениво утопая

У нижнего края листа напис. карандашом близ гумна свалив-
 шийся забор *ниже* А [*зач.* думы *надп.* мысли] между тем собираются
 [*надп.* чернилами слагаются] в созвучья

В нижнем правом углу напис. чернилами Стряхают на меня —
 слезы

Так же целенаправленна работа над отдельными стихами в авто-
 графе в Тетр. [2].

1 Когда [*по зач. части сл.* природ[ы] *написано* а *зач.* лик торжественно *надп.* вся
 трепещет] и сияет,

2 [*зач.* Как золото *надп.* Когда ее] цвета яркие и горячи,

3 [*зач.* Тогда мой праздный ум *надп.* Душа бездейственно] в пространстве утопает

4 И в неге врозь [*зач.* его *надп.* ее] расходятся лучи.

7 Не развлекаюсь я [*надп. карандашом* Неразвлеченная] смиренною природой

И [*над зачеркнутой частью сл.* немощ[ный] *надп.* ен *зач.* не пагубен *надп.* и
зач. мысль *надп.* на жизнь мою] напор.

8 Мой трезвый ум [*зач.* тогда] открыт для [*впис.* сильных] вдохновений

11–12 И сжатая мечта родит толпы видений,
 Как зажигательным их трогая стеклом.

15 [зач. Миную кучу *надп.* и зач. Вот рига *надп.* Смотрю на кучу] скирд
 [вст. на] [зач. часть сл. слома[вшийся] *надп.* нный] забор,

16 На пруд и мельницу, на дикий косогор [*допис.* и дикий косогор.]

18 [зач. И молчаливый лес. Здесь *надп.* И в ближний лес вхожу. Там]
 покрасневший клен,

21 [зач. Все *надп.* Но] Дале я иду, в мечтанья погружен,

22 [зач. Все гуще *надп.* И виснут] надо мной полунагие сучья,

24 Свободные слова [зач. ложатся *надп.* теснятся] в мерный строй,
Между 24 и 25 вписано

И на душе легко и сладостно и странно,

25 И тихо [зач. все] кругом, и под моей [зач. стопой *надп.* ногой]

26 [зач. Лишь *надп.* Так] мягко мокрый лист шумит благоуханный...

Очень сложной работы, местами с многослойной правкой, потребовало создание стихотворения «Земля цвела. В лугу, весной одетом...» (май–сентябрь 1875) – последнего лирического произведения Толстого, в котором подведены мировоззренческие и творческие итоги жизни поэта. Приведем его основной текст, напечатанный в ПССтих-76 (Т. 2. С. 413–414) с исправлениями по автографу и первой публикации (Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876. С. 34–35).

5 Земля цвела. В лугу, весной одетом,
 Ручей меж трав катился, молчалив;
 Был тихий час меж сумраком и светом,
 Был легкий сон лесов, полей и нив;
 Не оглашал их соловей приветом;
 Природу всю широко осенив,
 Царил покой; но под безмолвной тенью
 Могучих сил мне чулось движенье.

10 Не шелестя над головой моей,
 В прозрачный мрак деревья улетали;
 Сквозной узор их молодых ветвей,
 Как легкий дым, терялся в горней дали;
 Лесной чебёр и полевой шалфей,
 Блестя росой, в траве благоухали,
 15 И думал я, в померкший глядя свод:
 Куда меня так манит и влечет?

Проникнут весь блаженством был я новым,
 Исполнен весь неведомых мне сил:

20 Чего в житейском натиске суровом
 Не смел я ждать, чего я не просил –
 То свершено одним, казалось, словом,
 И мнилось мне, что я лечу без крыл,
 Перехожу, подъят природой всею,
 В один порыв неудержимый с нею!

 25 Но трезв был ум, и чужд ему восторг,
 Надежды я не знал, ни опасенья...
 Кто ж мощно так от них меня отторг?
 Кто отрешил от тягости хотенья?
 30 Со злобой дня души постыдный торг
 Стал для меня без смысла и значенья,
 Для всех тревог бесследно умер я
 И ожил вновь в сознании бытия...

 Тут пронеслось как в листьях дуновенье,
 И как ответ послышалось мне:
 35 «Задачи то старинной разрешенье
 В таинственном ты видишь полусне!
 То творчества с покоем соглашенье,
 То мысли пыл в душевной тишине...
 Лови ж сей миг, пока к нему ты чуток, –
 40 Меж сном и бдением краток промежуток!»

Несколько первых страниц чернового автографа дают представление о том, как шла работа Толстого на стадии первоначального прописывания (РО ИРЛИ, ф. 301, № 5), сосредоточенного на главной мысли и так же, как и в предыдущем примере, последовательно, без случайных отклонений продвигающегося по основной смысловой линии.

1

Сирень цвела; в лугу, весной одетом,
 Ручей меж трав катился. [*зач. одинока надп. молчалив:*]
 Был тихий час меж темнотой и светом,
 Был легкий сон лесов, полей и нив;
 Не оглашал их соловей приветом;
 Природу всю [*зач. широко надп. любовью*] осенив,
 Царил покой – но под безмолвной тенью
 Могучих [*надп. и зач. карандашом Сокрытых*] сил мне чулось движенье.

Слева вдоль поля
 Стволы [*зач. Верхи*] дерев над головой моей
 Стремился клен

Стремилась вверх [*зач.* Неслись] полны живого сока
Неслись дубы – краса дерев И дерева
Клен уходил
[*втис. кар.* терялись так высоко]
Как легкий дым [*зач.* так в даль] уходил высоко,

Над строфой

2

В прозрачный мрак над головой моей,
[*зач.* Стремясь] дерев вершины улетали;
[*под ст. зач. карандашом* Легко и *подп.* Верхи дерев все боле улетали]
Сквозной узор их молодых ветвей
Как легкий дым [*надп. пар*] терялся в горней дали;
Лесной чебёр и полевой шалфей
Блестя росой, в траве [*подп. карандашом* недвижные в росе] благоухали [*надп.*
сильней]
И думал я, на звездный глядя [*надп. кар.* в темневший померкший] свод:
[*зач.* Что здесь *надп.* Куда *надп. и зач.* вверх] меня так [*надп. кар. все*] манит
и влечет?
[*подп. карандашом* И сочный тмин в росе благоухал]

Над строфой

3

Каким проникнут счастьем я новым?
Неведомых каких исполнен сил?
Чего, в житейском натиске суровом,
Не смел я ждать, чего я не просил –
[*втис. карандашом* Свершается *зач.* могучим]
То свершено [*зач.* каким-то мощным *надп. и зач.* как я будто *надп.* единым
будто] словом;
Мне так легко, что я могу без крыл
[*втис. карандашом* Взлететь, подъять Весь перейти подъять]
Подняться, полн [*вставл. живой*] природой [*зач.* этой] всею,
В один порыв неудержимый с нею.

Над строфой

4

[*зач.* Мой] Но разум трезв
[*зач.* И трезв мой ум], и чужд ему восторг,
[*втис. и зач.* Нет я забыл и им надежд *надп.* Надежды нет во мне, ни опасенья –]
[*зач.* Надежды нет, исчезли опасенья –]
[*зач.* Кто ж от меня желания отторг? *надп. и зач.* желанья душу мне вселяя
всю их]

[*впис.* Кто ж мощно так от них меня отторг?]
Кто отрешил сознание от хотенья?
[*впис. карандашом* всегдашний *надп.* недавний *впис.* спор иль торг]
Со злобой дня души постыдный торг
[*впис. карандашом* Сегодня стал]
Стал для меня без смысла и значенья –
Для всех тревог бесследно умер я,
[*зач.* И весь живу в дыханьи бытия *надп.* и *зач.* И ожил вновь *вставл.* И ожил
вновь в *зач.* разливе и *зач.* разливе приливе]
[*подп.* и *зач.* дыханьи *подп.* карандашом сознаньи] бытия!
[*прип. карандашом* И чем бы я от них себя отторг?]
[*начато карандашом* Как]
Чем я себя от власти их отторг?
Чем отрешил [*надп.* свободил от *зач.* так полно от хотенья *надп.* и *зач.* вся-
кого вечного] тягости хотенья?

Наверху листа карандашом

И словно струн [*зач.* коснулось дуновенье] от ветра сотрясенье
[*зач.* Внезапно так послышалось во мне]
Внутри души послышалось мне: [*подп.* далеких незримых]

Над строфой

5

Тут [*зач.* понеслось как будто *надп.* словно струн коснулось] дуновенье,
[*впис.* и *зач.* Невнятно неясно так]
[*зач.* Как шорох в звоне их, Так близ меня послышалось мне]
[*зач.* И как ответ послышалось мне:]
[*подп.* И внятно *зач.* тут *подп.* и *зач.* вдруг *подп.* в нем] послышалось мне
Задачи то старинной разрешенье
В [*зач.* пророческом *надп.* таинственном] ты видишь полусне!
То творчества с покоем соглашенье,
То мысли пыл душевной тишине!
Лови ж сей миг пока к нему ты чуток –
Меж сном и бденьем краток промежуток!

Интересны история создания стихотворения «Прозрачных облаков спокойное движенье...» (июль–сентябрь 1874) и процесс работы над ним.

Первоначальный его текст был написан Толстым в состоянии транса, чему писатель был в конце жизни подвержен под влиянием болезни и инъекций морфия. В письме к К. Сайн-Витгенштейн от 5 (17) февр. 1875 г. он рассказал, как это происходило. «Но со мной случилась странная вещь, которую я хочу Вам рассказать: во время

моей большой болезни в деревне <...> я как-то ночью принялся писать маленькое стихотворение, которое мне пришло в голову. Я уже написал почти страницу, когда вдруг мои мысли смутились, и я потерял сознание. Пришедши в себя, я хотел прочесть то, что я написал; бумага лежала передо мной, карандаш тоже, ничего в обстановке, окружающей меня, не изменилось, — а вместе с тем я не узнал ни одного слова в моем стихотворении. Я начал искать, переверачивать все мои бумаги, и не находил моего стихотворения. Пришлось признаться, что писал *бессознательно*».⁴

Такой «бессознательно» созданный текст этого стихотворения (как автоматическая запись внутренней речи) нам неизвестен. Черновые же наброски свидетельствуют, что Толстой упорно работал над тематическим составом стихотворения и развитием лирического сюжета. Он пытался связать основную мысль об итогах жизненных и творческих деяний человека не только с изображением осенней природы, в которой находит свое завершение пора цветения и зрелости, но и с изображением осени земледельца, пожинающего плоды своих трудов. Очевидно, что движение авторской мысли в таких сопоставлениях прямо отсылает к стихотворению Е. А. Боратынского «Осень» (1836–1837). Его поэт также начинает осенним пейзажем, после чего обращается к сельской теме:

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов собирает:
Сметав в стога скошенный злак долин,
С серпом он в поле поспешает.

И, показав увядшую «красу природы» и «дни сельского святого торжества», через сравнение переходит к участи современного мыслящего человека, «оратая жизненного поля»: «Ты так же ли, как земледел богат?». Ответом на это вопрошание становится рисуемая потом череда утрат, разочарований, духовной немоты, заканчивающаяся картиной мертвящей все зимы и глубоко пессимистическим итогом:

Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

⁴ Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. И. Г. Ямпольского. М., 1963–1964 Т. 4. С. 436–437; подлинник по-французски.

Толстой в окончательной редакции исключает сравнение творчества с трудами земледельца и, в отличие от Боратынского, развивает мысль в гармонически-примиряющем ключе, почерпая в осеннем пейзаже мотив покоя и внося его в обращение к певцу.

Основной текст был впервые опубликован в «Вестнике Европы» (1875. № 1. С. 158) и после смерти писателя напечатан в ПССтих-76 (Т. 2. С. 411–412).

- Прозрачных облаков спокойное движенье,
Как дымкой, солнечный перенимая свет,
То бледным золотом, то мягкой синей тенью
Окрашивает даль. Нам тихий свой привет
- 5 Шлет осень мирная. Ни резких очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережита
Пора роскошных сил и мощных трепетаний;
Стремленья улеглись; иная красота
Сменила прежнюю; ликующего лета
- 10 Лучами сильными уж боле не согрета,
Природа вся полна последней теплоты;
Еще вдоль влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины;
- 15 Кружась медленно в безветрии лесном,
На землю желтый лист спадает за листом;
Невольно я слежу за ними взором думным,
И слышится мне в их падении бесшумном:
«Всему настал покой, прими ж его и ты,
- 20 Певец, державший стяг во имя красоты;
Проверь, усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
По совести ль тобою задача свершена
И жатва дней твоих обильна иль скудна?».

Приведем несколько карандашных набросков (РО ИРЛИ, ф. 301, № 5), которые, возможно, создавались на основе первичного «бессознательно» записанного текста.

По жниву голому шагая без тропы
Чета волов везут последний сноп
Увозят с нив волю
Ленивые волю, шагая без тропы,
Со жнива свозят там последние снопы,
И пахарь на гумно их тяжесть провожая,
[зач. В уме сличает труд с приходом *надп.* наградой урожая]

На левом поле

И пахарь на гумно их тяжесть провожая
Что налегал на плуг во имя красоты,

Продолжение посередине листа

А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины
[впис. По жниву [зач. тихо надп. свозят] там
[зач. Шагая тихо там по жнивам надп. шагая] без тропы,
[впис. Ленивые зач. свозят] волы
[зач. Уж свозят с них волы] последние снопы
[впис. и зач. И к полному гумну телегу надп. И пахарь на гумно] их тяжесть
провожая

[зач. И селянин их шаг ленивый провожая,]
[впис. Сличает свой расход с приходом урожая.]
[зач. Слагает уж в уме доходы урожая]
[зач. Кружится медленно надп. Вот медленно кружась] в безветрии лесном,
[зач. и зачеркивание отменено На землю надп. и зач. И на земл] желтый лист
спадает за листом.

Невольню я слежу за ними взором думным,
И слышится мне в их падении бесшумном
Всему настал покой, прими ж его и ты
[зач. Певец, что надп. и зач. Что в жизни зач. вел свой плуг во имя красоты,]
[впис. и зач. Что долго вел свой плуг надп. Что в жизни вел свой плуг во имя
красоты]

[подп. Так долго ведший плуг во имя красоты:]
Проверь усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
[впис. По силам ли тобой]
По совести ль тобой задача свершена,
[надп. 1 сл. нрзб. Выросла нее]
И жатва дум твоих обильна, иль скудна?

Зач. три ст.

По жниву желтому шагая без тропы,
Воле с нее везут последние снопы
И пахарь на гумно их тяжесть провожая,

По жнивам медленно шагая без тропы
Уж свозят с них волы последние снопы
И пахарь на гумно их тяжесть провожая
[зач. Слагает уж в уме доход от урожая]
[подп. В уме слагает свой доход от урожая]
[подп. и зач. тащут там]
[зач. По желтым жнивам там надп. По жниву там везут зач. шагая без тропы
надп. Слагает свой в уме доход от урожая]

[зач. Везут чета волов последние снопы *надп.* Ленивые]
[зач. И пахарь на гумно их тяжесть провожая]
[зач. Гадает уж путем о силе урожая]

Припис. справа и обведено
И пахарь тяжкий груз лениво провожая
И грузные возы

Продолжено посередине листа

Со жнивы свозят там, шагая без тропы
Ленивые волы последние снопы,
И пахарь на гумно их тяжесть провожая,
Сверяет уж в уме доход от урожая.
По жниву праздному шагая без тропы;
[зач. везут чета волов последние снопы]
[зач. Волы] Увозят там [*вст.* волы] последние снопы. Увозят с них волы
послед и пр.

И пахарь на гумно их тяжесть провожая,
[зач. В уме уж сосчитал доход от урожая *надп.* Слагает свой в уме доход от
урожая]

[*прип. и зач.* Слагает *зач.* Сверяет мысленно доходы урожая Прикидывает]

Слагает умственно доходы урожая

По жнивам там волы и пр.

Там медленно [*надп.* тихие], шагая без тро

По пожатни волы, шагая без тропы,

[*впис.* С них]

Уж свозят на гумно последние снопы

[зач. И грузные возы лениво провожая]

И пахарь грузный воз лениво провож

Слагает уж в уме доход от урожая

[*прип. и зач.* По жнив] По жниву там волы, шагая без тропы,
Увозят на гумно последние снопы,
И пахарь грузный воз [зач. лениво *надп.* досужно] провожая,
[зач. Слагает *надп.* Считает] уж в уме обилье [*надп.* прибыль] урожая;
Кружася медленно в безветрии лесном,
Зач. косыми чертами два ст.

И грузные возы досужно провожая
Уж пахарь сводит счет в уме от урожая

В уме считает и прибыль урожая
В уме [зач. сво *надп.* уж] сводит труд с доходом урожая